

РАЗДЕЛ II.

ИССЛЕДОВАНИЯ БЕЛОРУССКИХ УЧЕНЫХ

А. М. Мезенко

УРБАНОНИМЫ КАК РЕАЛИЗАТОРЫ КОДОВ КУЛЬТУРЫ

Коренные преобразования в политике, экономике, науке, массовой культуре и других сферах государственного устройства, связанные с распадом СССР, вызвали существенные изменения в ономастике. Обусловлены они действием как внешних, так и внутренних факторов, среди которых коренные преобразования в обществе, новый речевой «вкус», быстрое развитие международных контактов, воздействие средств массовой информации, действие законов аналогии, асимметричности и т. п.

Условно эти изменения в ономастическом пространстве ученые подразделяют на два типа: трансформации языковой системы и модификации (а возможно, и деформации) в сфере его использования.

Неслучайно поэтому в начале XXI в. ономастика начала рассматриваться в связи с когнитивистикой, этнолингвистикой, культурной антропологией, межкультурной коммуникацией, культурологией и другими дисциплинами. В ней широко используются не только собственно лингвистические аспекты: лексикологический, лексикографический, семасиологический, семиотический, ономасиологический, этимологический, терминологический, психолингвистический, этнолингвистический, — но и исторический, лингвоисточниковедческий и др.

Отдельное место среди них принадлежит лингвокультурологическому аспекту, направляющему исследователей на выявление способов фиксации и отражения культуры в именах собственных.

Выявить особенности отражения ментальной сферы представителей конкретного этноса в именах собственных, исследовать и описать базовый культурный пласт, являющийся неотъемлемой частью структуры любого «говорящего» человека представляется возможным с помощью понятия *код культуры*, которое до конца пока не установилось. Необходимо иметь в виду, что различные исследователи выделяют различное количество кодов культуры и по-разному их называют. В наше время

можно встретить такие названия кодов, как *анатомический, соматический, зооморфный, растительный, предметный, гастрономический, аксиологический, дендрологический, пространственный, временной, биоморфный, духовный, персональный* и др.

Среди разных дефиниций этого понятия нам ближе определение, данное В. В. Красных: «Код культуры разумеется как сетка, которую культура «набрасывает на окружающий мир, членил, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и «кодируют» [Красных 2002, с. 232]. Коды культуры построены на символизации действительности.

Создаваемые в границах прагматически ориентированных актов, урбанонимы в лингвокультурном пространстве города являются реализаторами кодов культуры.

Анализ внутригородских названий Витебщины и Смоленщины свидетельствует о том, что в урбанонимии реализуются следующие культурные коды:

- *топоморфный*, который эксплицируется при помощи топонимов, агронимов, указывающих на другой объект, относительно которого номинируется внутригородской. Это может быть архитектурный объект (культовое сооружение, учебное, лечебное, спортивное, зрелищное заведение, промышленное предприятие, торговая точка, городская служба и т. п., например, *Академическая ул., Болыничный пер., Госпитальная ул.* (Смоленск), *Заводская ул., Базарная пл., Вокзальный бульвар* (Витебск), другой внутригородской линейный объект (улица, проспект и т. п., например, *2-я Западная ул., 3-я Западная ул., 2-я Ракитная ул., 3-я Ракитная ул.* (относительно 1-й Западной ул., 1-й Ракитной ул. – Смоленск), *Днепровский пер., Днепровский проезд, 1-я Городокская ул., 2-я Городокская ул., 3-я Городокская ул.* (относительно Днепровской улицы и Городокской улицы – Витебск) и подобн.), другой населенный пункт (город, село или их часть, например: *Досуговское шоссе* в Смоленске, *Смоленская ул.* в Витебске), другой водный, горный, небесный объект (*Кловская ул.* – Смоленск, *Дешинская ул.* – Витебск) Показательно, что нередко подобные урбанонимы создаются в результате трансопимизации (например, *пер. Шейнчи*, появившийся в Минске на месте бывшей деревни Шейнчи, *пл. Бангалор*, названная в честь индийского города-побратима Минска и т. д.), что свидетельствует о тесной взаимосвязи единиц разных топонимных субполей. Именно этот культурный код чаще всего эксплицируется при помощи урбанонимов крупных городов: в большом городе много значительных архитектурных строений,

учебных, лечебных и других учреждений, которые способны стать основой номинации улиц, переулков и площадей;

– *антропоморфный*, который объективируется при помощи отантропонимных годонимов, агоронимов, ойкодомонимов, эkkлезионимов: *пл. Ванеева, Катерининская церковь* (Минск), *ул. Тенишевой, Воздвиженская ул., Воскресенская ул.* (Смоленск) и др. Из всех существующих разповидностей антропонимов (личное имя, отчество, фамилия, псевдоним, прозвище, ник) наиболее характерным для восточнославянской урбанонимии является использование в качестве названий внутригородских объектов следующих антропонимных формул: фамилия (*ул. Ломоносова*), личное имя + фамилия (*ул. Василисы Кожиной*), личное имя + псевдоним (*ул. Янки Купалы*). У западных славян названием улиц иногда становились и личные имена, в основном художественных персонажей (ср.: *ул. Wacława* – Зелена Гура, Польша и подобн.). В сознании народа как символы культуры присутствуют прежде всего ключевые имена культуры, изучение которых способствует постижению духа языка, специфики его использования представителями различных лингвокультур. Использование прецедентного имени в качестве имени-символа – один из возможных вариантов функционирования самого прецедентного имени в системе внутригородских названий. Интресно, что в урбанонимии задействованы прецедентные имена, выполняющие функцию символа в том случае, если необходима апелляция и к прецедентной ситуации (ср.: *ул. Гагарина, ул. Грицевца, ул. Матросова, ул. Гастелло, ул. Заслонова, ул. Калиновского, ул. Чапаева* и др.), и к прецедентному тексту (*ул. Гоголя, ул. Маяковского, ул. Некрасова* и др.).

Именно данный код очень активно эксплицируется при помощи внутригородских названий. Но если жители крупных городов все же при номинации внутригородских объектов отдают предпочтение топоморфному коду, по поселение периферийного города – анализируемому. Антропоморфный код превалирует в мировоззрении жителей небольших городов, городских поселков и деревень при назывании улиц, переулков, площадей. Например, он задействован при номинации 41,2% названий линейных объектов периферийного г. Ганцевичи Брестской области. Для сравнения в Варшаве на долю отантропонимных приходится 23,7% урбанонимов.

Известно, что имена собственные имеют высокую частоту использования в различных текстах. Количественными характеристиками они в первую очередь отличаются от апеллативов. Различную степень имеет фреквентативность каждого из внутригородских названий и в урбанонимном тексте. Несмотря на активное использование антропоморфного

кода в номинационном процессе, частотность названий, образованных в соответствии с ним, варьирует. Так, в Брестской области тринадцать названий линейных объектов встречаются в урбанонимиконах от одного до десяти населенных пунктов (далее н.п.). Например, *ул. Сидоровича* и *ул./ пер. Проскурова* зарегистрированы только в г.Ганцевичи, *ул. Орловского* – в г.Ганцевичи и г.Ляховичи, *ул. Пахимова*, *ул. Ушакова* – в г. Ганцевичи и г.Барановичи, *ул. Грицевца*, *ул. Чайковского* – в 4 н.п., *ул. Чехова* – в 8 н.п., *ул. Калиновского*, *ул. / пер. Кутузова* – в 10 н.п.; десять названий встречается в 12–20 н.п.: *ул. Ломоносова*, *ул. Некрасова*, *ул. Максима Богдановича*, *ул. Фрунзе*, *ул. Толстого*, *ул. Лермонтова*, *ул. Гоголя*, *ул. Гастелло*, *ул. Маяковского*, *ул. Франциска Скорины*. Отдельные из названий повторяются в 25–38 н.п.: *ул. Заслонова*, *ул. Суворова*, *ул. Калинина*, *ул. Дзержинского*, *ул. Чапаева*, *ул. Максима Горького*, *ул. Якуба Коласа*, *ул. Янки Купалы*. И только одно из названий, отвечающее антропоморфному коду, – *ул. Гагарина* – существует в 83 н.п. области. Из этого следует, что из всех прецедентных имен жители Брестской области отдают предпочтение имени планетарно известного человека и национально-прецедентным именам:

- *флористический*, или *ботанический*, который объективируется при помощи названий внутригородских объектов, указывающих на характер растительного ландшафта или отдельные виды растительности. В Беларуси такие урбанонимы появились в XVI в. В основу номинации легли наименования флоры, характерной для данной территории. В XXI в. урбанонимикон почти каждого города включает названия, соотносимые с названиями растительного мира, типа *Липовая ул.*, *Сосновая ул.*, *Березовый пер.*, *Кленовая аллея*, *Грушевый пер.*, *Крапивная ул.*, *Гополева ул.*, *Вишневый проезд*, *Вербовая ул.*, *Дубовый пер.*, *Сиреневая ул.* (Витебск), **Зеленый Бор**, **поселки Красный Бор, Рябиновая Поляна (Смоленск)**. Из отдельных видов растительности символической значимостью для жителей Беларуси обладают *вишня* и *береза*, последняя из которых в мифопоэтической модели мира «выступает как дерево-охранник и медиатор между миром живых и миром мертвых; символизирует женское начало и именно потому стала определяющим атрибутом ряда праздничных ритуально-обрядовых комплексов, основными участниками которых были девушки предбрачного возраста» [Беларуская 2004, с. 56], особенно на Брестчине. В целом же для жителей Брестчины, судя по количеству населенных пунктов, в которых существуют линейные объекты с такими названиями, более значимыми пространственными ориентирами являются *сад* и *лес*. Лес, как известно, играет одну из главных ролей в структурировании сказочного

эпического пространства. Такая же роль принадлежит ему в урбанонимии и виконимии. Эта роль, выявляется, в частности, в том, что названная основа, как и основа *сад-*, – одна из самых распространенных при образовании урбанонимов и виконимов не только на Брестчине, но и на всей территории Беларуси. Например, на Витебщине в 160 н.п. существуют 189 *Лесных улиц* и *Лесных переулков*. Не намного меньше и названий, образованных от лексемы *сад*, которая символизирует собой образ «пространства миниатюрного мира, орошаемого проточной водой как символом благодати» (кстати, с садом у белорусов, особенно на Полесье, связаны многочисленные поверья) [1, с. 446]. Нельзя не согласиться с мнением В. В. Красных, что «между кодами культуры нет и не может быть жестких границ» [3, с. 234]. Со стороны окультурации человеком окружающей среды *флористический код* «накладывается» на *ландшафтный* (возможно, наоборот):

- *ландшафтный код* очень тяжело отделить от *пространственного*. Если выразителями первого являются названия, характеризующие внутригородские и внутрисельские объекты со стороны их физико-географических особенностей (*Луговая ул., Полевая ул., Полевой пер., Песочная ул.*), то второй репрезентирует номинационные единицы, содержащие характеристику объекта со стороны особенностей размещения его в пространстве, конфигурации, размера: *Высокая ул., Горная ул., Курганная ул.* (Смоленск), *Узкий пер., Короткий пер., Западная ул., Западный пер., Набережная ул., Южный пер.* (Витебск) и подобн. Эти коды нередко наслаиваются друг на друга, свидетельствуя об определенном членении пространства.

Проблема осознания пространственных отношений – одна из наиболее актуальных в исторических, философских, психологических, а также филологических и культурологических исследованиях последнего двадцатилетия. И это неслучайно: концепция места (пространства) базовая в топонимической концептосфере.

Народная система ориентации в пространстве и народный ментальный образ пространства – все это отражено в топонимном, и в частности в урбанонимном и виконимном, материале.

Из десяти базовых параметров описания организации пространства, предложенных в свое время Г. Личем [Leech]: 'место', 'протяженность', 'близкость', 'вертикальность / горизонтальность', 'север / юг', 'запад / восток', 'ориентация', 'движение', 'виды перемещения', 'поза, местонахождение человека в пространстве', – для топонимии, по мнению исследователей, релевантны четыре: 'локализация объекта', 'охват местности', 'протяженность' и 'обжитость пространства' [Березович 2000, с. 87].

Что касается первого из них, то, как известно, локализация объекта в пространстве осуществляется на основе следующих базовых оппозиций: 'близкий / дальний', 'верх / низ', 'запад / восток', 'север / юг', 'начало / конец', 'правый / левый', 'передний / задний'.

При реализации этих параметров очень важна позиция наблюдателя: от нее зависит сеть координат. Показательно, что, в отличие от топонимов и микротопонимов, модель *'близкий / дальний'* среди внутригородских и внутрисельских объектов полностью ассиметрична в пользу *дальних* наименований, что, вероятно, объясняется значимостью для горожан и сельчан именно границ, конца поселения, а не дистанционных показателей. Так, если названия *Дальний пер., Дальняя ул., 1-я Дальняя ул., 2-я Дальняя ул., Далёкая ул., Далёкий пер.* и подобные на территории Беларуси встречаются в 47-ми населенных пунктах, то *Ближние* улицы или переулки полностью отсутствуют на территории страны, что является свидетельством ориентационной размытости: то, что находится рядом с наблюдателем, тяжелее дифференцировать. Примета же отдаленности всегда имела большие отличительные возможности.

Идея границы является главной и в отношениях *начало / конец (край)*. Эти отношения, как и предшествующие, являются ассиметричными в пользу вторых компонентов. Название *Начальная ул.* имеет место только в одном поселении Беларуси – г. Волковыске, хотя идея *начала* нередко сводится к идее *первый в ряду однородных объектов*. В урбанонимии и значительно реже в викионимии это названия линейных объектов нумеративного типа как в населенных пунктах центральной части страны, так и приграничных территорий: *Первая ул.* (дер. Малое Высокое Кохановского поселкового совета Толочинского района), *Первый пер.* (г. Витебск, дер. Осиновка Новкинського сельского совета Витебского района, дер. Лучёса Шалечинского сельского совета Витебского района и др.), которые нумеруют порядок заселения микрорайона или деревни.

Идея *конца* репрезентируется с помощью нескольких моделей:

- *Крайняя ул. / Крайний пер.* наиболее распространена в границах викионимии (зафиксирована в 21 населенном пункте Беларуси);
- *Конечная ул. / Конечный пер.* используется в городах и в деревнях;
- *Концевая ул. / Концевой пер.* употребляется преимущественно в городах;
- *Граничная ул. / Граничный пер.* используется в городах и в деревнях;
- *Пограничная ул. / Пограничный пер.* наиболее распространена в деревнях и городских поселках.

Причину преобладания второго компонента в отношении *начало / конец* исследователи топонимного материала видят, во-первых, в низкой

информационной нагрузке *начальных* топонимов, поскольку *начало*, как правило, совпадает с центром освоения пространства (позицией наблюдателя), во-вторых, в значимости идеи границы освоенного пространства, выраженной *конечными* названиями [Березович 2000, с. 129].

Модель же *'верхний / нижний'*, принадлежащая к числу наиболее популярных пространственных показателей в пределах комонимии, в урбанонимии и виконимии используется в меньшей степени (например, годонимы с корнем *верх-/высок-* зафиксированы в 30 поселениях, с корнем *-низ-/ниж-* – в 26), однако при этом такие названия нередко образуют соотносительные ряды, например, в дер. Тросница Солоницкого сельского совета Полоцкого района существуют и *Верхняя ул.* и *Нижняя ул.*, в Витебске до 1967 г. функционировали *Верхне-Набережная* и *Нижне-Набережная* улицы. Интересно, что в отдельных областях (см. Могилёвскую – 7 с корнем *низ-* и только 1 название с корнем *высок-* – и Гомельскую – 5 с *низ-/ниж-*, 3 с *верх-/высок-*) модель *'верхний / нижний'* ассиметрична в пользу *нижних (низких)* наименований, что может свидетельствовать об отсутствии на данных территориях, в отличие от территорий Русского Севера, сакральной положительной отмеченности *верха* и негативности *низа*.

Ориентация по сторонам света нашла, пожалуй, самое широкое отражение в урбанонимии и виконимии. Несмотря на количественно схожие показатели, все же ведущим направлением в урбанонимии и виконимии является ось *север / юг* (в урбанонимии и виконимии Беларуси зафиксировано более 380 названий внутригородских и внутрисельских объектов, связанных с севером и югом, и 330 – с западом и востоком). Рассматривая особенности размещения линейных объектов, названных этими годонимами, необходимо отметить, что северный и южный направления представлены, за редким исключением, недиффузно: соответствующие объекты очень редко падают на промежуточных румбах. Так, в Брестской (дер. Подыще) и Гродненской (г. Щучин) областях находим *Юго-Западные улицы*; в Минской 4 *Юго-Восточные улицы* и *переулки* и 1 *Северо-Западная улица*. Пространственные параметры в таких названиях определяют независимо от метеорологических факторов, хотя отдельные попытки этимологизации годонимов *Северная* и *Южная улица* как улиц, откуда дует холодный или теплый ветер, нам встречались.

Внутри различных пар урбапо- и виколексем, обозначающих *северное / южное* и *западное / восточное* направления, определенной ассиметричности не отмечено. Например, в Могилевской, Гродненской и Гомельской областях незначительно преобладают *южные* урбанонимы и виконимы над *северными* (в Могилевской области зафиксировано 17 *северных* и 24 *южных*, в Гродненской – соответственно 9 и 17,

в Гомельской – 31 и 35). В целом в Беларуси 201-му годоному, образованному от названия *южного* направления, противопоставлены только 180 названий *северного*. Этот факт приобретает особую ценность по той причине, что «в топонимической «версии» русской народной культуры отчетливо фиксируется «лидерство» северной стороны» [Березович 2000, с. 120]. В тех же областях, а также в Витебской *восточных* больше, чем *западных* (в Витебской области существует 11 *западных* и 59 *восточных*, в Могилевской соответственно 11 и 13, в Гродненской 13 и 19, в Гомельской 23 и 41). Не претендуя на решение вопроса об ориентационной системе белорусов вообще, напомним только информацию, приводимую в словаре «Славянские древности», в соответствии с которой «символика востока связана с идеями святости, праведности, благосостояния и достатка; запада – с нечистотой, неправедностью и т. д.; восток считался жилищем Бога, а запад – Сатаны» [Славянские Древности 1995, с. 445]. Отметим также интересный факт значительного преобладания *западных* названий над *восточными* в Брестской области – западных ворот страны (там они соотносятся как 46 к 26). Показательно, что в системе ветрообозначений на территории Беларуси преобладают именно наименования западного ветра: в большинстве районов среди названий ветров фиксируются западные, северо-западные и юго-западные [Природа Беларуси 1986, с. 472].

В то же время приблизительный паритет наблюдаем между *северными* и *южными* названиями в Витебской и Брестской областях (43 *северные* и 42 *южных* наименований в Витебской области и по 48 *северных* и *южных* в Брестской), что в определенном смысле может служить подтверждением приоритета в подобных названиях пространственных, а не метеорологических параметров.

Модель *правый / левый*, ассиметричная в пользу второго компонента, задействована преимущественно в урбанонимии. Нельзя не обратить внимания на то, что все, за одним исключением (*Правая ул.* – дер. Ломти Ломанского сельского совета Глубокского района), урбанолексемы *правый* и *левый* функционируют в составе сложных и составных топонимов. Сравним: *Левобереговая ул.* (г. Березовка), *Правобереговая ул.* (г. Борисов), *Левонабережная ул.*, *Левонабережный пер.* (г. Гродно) и др. Показательно и то, что большинство из них составляют противопоставленные пары типа *ул. Правая Дубровенка* – *ул. Левая Дубровенка* (г. Могилёв), *Правобереговая ул.* – *Левобереговая ул.* (г. Дубровно) и подобн. В урбанонимной системе ориентации, в отличие от комонимной, существует закрепленный способ определения *правых* и *левых* объектов, который обычно соответствует направлению движения воды в реке, протекающей по территории населенного пункта. Связь понятий о правой и левой

стороне (правой и левой руке) с понятием и представлением о положительном и отрицательном моменте (правда / ложь, добро / зло, легкость / сложность и т. п.), характерная, по словам В. В. Иванова и В. Н. Топорова и других исследователей [Иванов, Топоров 1974] для большинства индоевропейцев, угро-финов, северно- и кжноамериканских индейцев и др., существующая в ряде сфер пародной духовной культуры, в урбаноимии и виконимии отсутствует. Примеров противопоставлений названий *правых* и *левых* линейных объектов по признаку хороший – плохой нами не выявлено.

Таким образом, в культуре белорусов отмечены разные ориентационные предпочтения, однако в урбаноимии и виконимии «пространстве» пародной культуры фиксируется лидерство не северной, как у русских, а южной, теплой стороны.

Подытоживая, можно отметить, что зафиксированная в урбаноимии и виконимии Беларуси система ориентаций по сторонам света отражает как пространственную проекцию метеорологических условий, так и абстрагированные показатели сторон света.

Правые и *левые* урбаноимии и виконимии отличаются низкой степенью распространения (зафиксировано 17 названий) и представляют собой относительно поздние номинации внутригородских и внутрисельских линейных объектов, в чем можно усмотреть результат применения в отношении к ним жестко задействованной системы отчета.

Признаки, лежащие в основу номинации внутригородских объектов, могут семантически преобразовываться. При этом при помощи средств различных кодов можно передавать одно и то же значение;

- *фаунистический*, который эксплицируется при помощи названий, содержащих в своей основе наименования фауны, характерной для данной территории. В отличие от флористических фаунистические названия внутригородских объектов в восточнославянской урбаноимии появились позже, чем в западнославянской. В Беларуси, например, они функционировали прежде всего в тех городах, которые либо входили в состав Польши, либо граничили с ней. Такие фаунистические названия, как *Козловая ул.*, *Воловья ул.*, *Орлиная ул.*, *Голубиная ул.*, *Журавлиная ул.*, *Вороний пер.*, в начале XX в. существовали в Белостоке, Бресте, Барановичах, а в 1919 г. и в Милске. В настоящее время данный культурный код западноориентированный. Практически тяжело отыскать польский город, в котором бы не было фаунистических названий внутригородских объектов, данных как бы в честь определенного вида животных, причем не только того, который распространен на данной территории (ср.: *Bociania ul.*, *Borsucza ul.*, *Czaplia ul.*, *Kacza ul.*, *Kozia ul.*, *Kukulcza ul.*, *Łosiowa ul.*,

Owca ul., Lisia ul., Pawia ul., Rysia ul., Sarnia ul. (детеныша косулы), *Lisia ul.*), но и типа *Smocza ul.* (Драконья ул.);

- *эмоционально-характерологический*. Выразителем кода являются урбанонимы, способные оказывать эмоциональное воздействие, вызываемое особенностями и свойствами деталей внутригородских объектов, ими пазываемых. Это такие пазвания, как *Спокойная ул.*, *Кроткая ул.*, *Дикая ул.*, *Тихий пер.*, *Скромный пер.*, *Веселая ул.* (ведет к кладбищу), *Холодная ул.*, *Ясная ул.* и др. Как и предыдущий, данный культурный код наиболее активно реализуется в польской урбанонимии;
- условно *цветовым* можно пазвать культурный код, который объективируется в наименованиях внутригородских объектов, метафорически соотносимых с названиями цвета. В пределах славянских урбанонимиконов нам встретились все названия общекультурной цветовой триады «белый – красный – черный». Так, в начале XIX в. в Варшаве существовали *Белая ул.*, *Зеленая ул.*, *Золотая ул.* Цветовая гамма урбанонимов Минска конца XIX в. включала пазвания *Красная ул.*, *Серебряная ул.*, *Черная ул.* *Черный переулок* зафиксирован в 1913 г. в Белостоке, входившем в то время в состав Беларуси. В начале XXI в. на картах крупнейших белорусских и реже русских городов находим *Багряную ул.* (Минск), *Голубую ул.* (Брест), *Зеленую ул.* (Брест, Витебск, Гомель, Гродно, Минск, Орша, Смоленск), *Красную ул.* и *Красный пер.* (в советский период прилагательные, входившие в состав данных пазваний линейных объектов городов Брест, Гомель, Гродно, Минск, Могилев, Орша, имели значение 'революционный'), *Серую ул.* (Брест). Возможно, метонимически соотносится с цветом и название улицы *Сиреневой* в Могилеве. Интерес к живописным названиям улиц вдохновлял номинаторов во все времена: «цветовые» прилагательные в пределах урбанонимии крайне редко носили цветовые значения. Красота или революционная символика стали основой номинации *Красных ул.*, интенсивность движения, приводящая к грязи (черноте), становилась причиной появления *Черных улиц*, и т. д. Признак, по которому сравнивался внутригородской объект и объект-носитель признака, как правило, имплицировался. Данный вид кодирования культурно маркированной информации более свойствен западнославянской урбанонимной системе;
- *темпоральный*, который эксплицируется при помощи урбанонимов, приблизительно указывающих на время существования внутригородского объекта (давно существующий или относящийся к ближайшему времени): *Старая ул.*, *Новая ул.* Чаще это пазвания

бинарной оппозиции с компонентами *старо-* и *ново-*: *Новомосковская ул.* – *Старомосковская ул.*, *Старокомендантская ул.*, *Старокронштадский просп.* (Смоленск), *Старовиленская ул.* – *Нововиленская ул.* (Минск). Условно с этим кодом можно связать и урбанонимы, включающие в свой состав фиксацию определенного времени – даты (*ул. 17 Сентября*, (г. Ганцевичи), *ул. 8 Марта*, *Первомайская ул.* (Витебск), *ул. 12 лет Октября* (Смоленск) и превращающиеся в своеобразные символы определенных временных отрезков. Например, 17 сентября – просто дата, но в названиях улиц, переулков и площадей Беларуси она символизирует временной период объединенного существования Западной и Восточной частей республики, начавшийся 17 сентября 1939 г.:

- *социальный код*. Выразителями его являются внутригородские названия, основой номинации которых стали символы эпохи, характеристика со стороны социальной принадлежности лиц как представителей определенной общности людей. На долю таких единиц приходится до 20% от общего количества внутригородских названий: *ул. Строителей*, *Коммунистическая ул.*, *Комсомольская ул.*, *ул. Космонавтов*, *Октябрьская ул.*, *Октябрьская пл.*, *Молодежная ул.*, *ул. Монтажников*, *Мелиоративная ул.*, *Партизанская ул.*, *ул. Победы*, *Пионерская ул.*, *Трудовая ул.*, *Революционная ул.*, *Революционный пер.*, *Советская ул.*, *Спортивная ул.*, *Красноармейская ул.*, *ул. Энергетиков*, *Юбилейная ул.* У разных единиц этой группы неодинаковая степень частотности в урбанонимии и виконимии различных территорий. Так, чаще других повторяются в населенных пунктах Витебской области названия *Советская ул.* (существуют в 108 н.п.), *Молодежная ул.* (215 н.). В урбанонимии и виконимии же диаметрально противоположной в географическом отношении Брестской области *Советские ул.* зарегистрированы в 148 н.п., *Молодежные ул.* – в 136 н.п.
- Как уже отмечалось исследователями, тяжело отдельно описать *духовный код*, потому что «на него фактически «работают» все названные коды... Этот код от начала аксиологичен. Он пронизывает все наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру» [Красных 2002, с. 256]. Главными экспликаторами его в урбанонимии и виконимии, наравне с топоморфным кодом, являются названия, образованные от наименований мест совершения обряда – храмов, церквей, костелов, часовен и др. Представлены они преимущественно в урбанонимиконах крупных городов (*Свято-Афанасьевская ул.*, *Свято-Никифоровская ул.*, *ул. Серафима Саровского*, *Татьянинская ул.*, *Успенская ул.* – Брест, *Покровская ул.* Витебск).

Таким образом, в урбанонимии при экспликации культурно маркированной и прагматически значимой информации находят реализацию различные коды культуры – *топоморфный, антропоморфный, ландшафтный, пространственный, флористический, фаунистический, эмоционально-характерологический, цветовой, темпоральный, социальный, духовный*, – которые являются универсальными для всей системы славянских внутригородских наименований. При этом урбанонимное пространство каждого языка, являясь незамкнутой лексической подсистемой, определяется моделью мира, существующей в представлении конкретного народа. Отсюда у разных славянских народов перечисленные культурные коды реализуются с разной степенью интенсивности. Выражение их в урбанонимном контексте обусловлено прагматически. Урбанонимия служит объективации таких понятий, как линейный, территориальный, точечный внутригородской объект, прагматическая значимость и др., что имеет отношение к культурно маркированному концепту «адрес».

Литература

1. Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. – Мінск: Беларусь, 2004. – 592 с.
2. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е. Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 532 с.
3. Иванов Вяч. Вс. Исследования в области славянских древностей / Вяч. Вс. Иванов, В. П. Топоров. – М., 1974.
4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
5. Постовалова В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) / В. И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 25–33.
6. Природа Беларуси: Популярная энциклопедия. – Минск: БелСЭ, 1986.
7. Сенир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сенир. – М.: Прогресс, 1993. – 654 с.